

Андрей КОЗЫРЕВ

К ВОПРОСУ О СВОЕОБРАЗИИ ЛИТЕРАТУРЫ ОМСКОГО РЕГИОНА

Эссе

Чтобы определить, существует ли самостоятельная «омская поэтическая школа», следует установить, что означает само понятие школы. Существование школы в широком смысле этого слова предполагает наличие учителей, учеников, школьной программы и единого пространства, где происходит общение учителей с учениками. Существование школы в литературе предполагает наличие основателей и лидеров школы, их последователей, особых тем и приемов творчества, а также определенной пространственно-временной среды, определяющей особенности первых трех элементов, - т.н. «материнского ландшафта».

В Омске исторически (с начала XX века) сложился свой литературный процесс, в котором присутствуют основатели, лидеры, учителя и их последователи. Но омская пространственно-временная среда, омский «материнский ландшафт» не имеет четких границ. Омск исторически неразрывно связан с Новосибирском, Павлодаром, Тарой, Тюменью, Тобольском и другими крупными городами, и провести культурную границу между нашими регионами так же трудно, как и природную. На Севере – тайга, на юге – степь не имеют четких рубежей, таких, как реки, горы и т.д. Четких культурных рубежей тоже нет: П.Васильев, например, связан и с Павлодаром, и с Омском, Ф.Березовский – с Омском и Новосибирском, Л.Мартынов бывал и творил во всех этих регионах. Поэтому стоит говорить о едином западно-сибирском природном и культурном материнском ландшафте, определяющем черты западно-сибирской литературной школы, одним из главных центров которой является Омск.

Особенности природы, истории и общественных отношений Западной Сибири определили основные черты «литературного менталитета» сибиряков:

1. Близость к природе, величественной, но суровой, сулящей богатство, но требующей сил для его добычи, повлияли на мужественный, сильный, но одновременно открытый для природной красоты характер сибиряков. Это отразилось в почвенническом и крестьянском направлении омской и сибирской литературы – прозе Ф.Березовского, поэзии П.Васильева, Е.Забелина.

2. Историческое отсутствие крепостного права и строгого религиозного контроля над мировоззрением повлияли на свободолобие и самостоятельность слова и мысли жителей региона. Отсюда – этическая позиция, выраженная в творчестве Мартынова (в частности, в его исторических поэмах), исторической прозе – от К.Урманова до В. Брычкова. Роль нашего города как «Отдаленного Места Ссылки Каторжан» и трагическая судьба региона, принимавшего ссыльных с царских времен до 40-х гг., также отразилась в творчестве омских авторов.

3. Роль форпоста цивилизации в Сибири и одновременно «тихого пристанища» для спасавшихся здесь от войн и катастроф жителей Европы определили своеобразие менталитета городского жителя, его положение «междумирка» «между стихией и культурой». В Сибири словно еще не закончилось создание природы Богом, но уже началось преобразование ее человеком. В сибиряке природа и культура ведут постоянный диалог. Это отразилось в городском направлении омской литературы – от футуристических описаний города начала XX века через «Воздушные фрегаты» Л.Мартынова до современной городской поэзии (Ю.Перминов, О.Клишин).

4. Роль научного центра в стремительно осваиваемом краю повлияла на становление своеобразного «сибирского космизма», школы философской и натурфилософской поэзии, изучающей Сибирь как Космос, который надо изучать, либо как дверь в Космос новых нрав-

ственных и духовных категорий. Эта линия в истории Омска начинается с П. Драверта и продолжается до сих пор в творчестве, например, С.Курач.

Таким образом, в единой западно-сибирской литературной школе вырисовываются четыре основные тематические линии, идущие от автора к автору и образующие единый узор: почвенническая (деревенская), историческая, урбанистически-цивилизационная, философски-космическая. Они определяют и технические особенности поэзии нашего региона.

С точки зрения техники стихосложения можно выделить соответствующие этим линиям школы (употребляю этот термин для обозначения совокупности авторов, объединенных единым мировоззрением, лидером и манерой изложения материала). Каждая из школ имеет свою поэтику.

Первая поэтика – неоклассическая – отличается реализмом, традиционностью, вниманием к деталям жизни, быта, психологии, раскрытием больших тем на простом сюжетном материале, определенной философичностью, афористичностью концовок, точным владением рифмой. В числе первых представителей – Г.Вяткин, сейчас – Е.Кордзахия, Т.Четверикова.

Второй из школ, народно-песенной, свойственен лиризм интонации, плавность и напевность изложения, использование фольклорных и деревенских мотивов в сочетании с соблюдением традиций реализма. (Наиболее яркий представитель – П.Васильев, сейчас – В.Ерофеева).

Третья школа – вышеупомянутый сибирский космизм. Отличается интересом к нахождению новых форм для выражения сложных космических тем, близостью к восточному медитативному стихосложению, поэзии Рериха, народов Сибири, Азии вообще; используется (часто, но не всегда) нерифмованный стих, новые ритмы, как правило, неторопливые, располагающие к «вдумыванию» в стихи, емкие символистские образы. Эта школа технически еще только формируется, хотя смысловое ядро было еще у Драверта и Мартынова. К ней можно отнести символизм О.Чертова, из нынешних авторов – С.Курач (цикл описаний сновидений, «рериховские» стихи).

Городская школа. Задача описания жизни города, его внутреннего строя, темпов, ритмов, образов диктует свои приемы: написание стихов небольшого размера, с равносложными строками, неторопливым, но уверенным движением речи, осложняемым изощренной рифмовкой и переносами со строки на строку, подобными неожиданному биению сердца, заставляющему остановиться среди бегущего потока людей и увидеть необычное в обыденном. (О.Клишин, Ю.Перминов).

Можно выделить также неофутуристическую школу, восходящую к А.Сорокину, раннему Л.Мартынову и их ученикам и продолжаемую в основном омской молодежью. Черты этой поэтики – богатство нетрадиционных метафор и образов (порой излишнее), неожиданные «сдвиги» мысли и речи, разносложные строки, авангардные рифмы, вольные ритмы, неожиданные перемены интонации в ключевых местах стихосложения (чаще всего – в конце).

Есть множество авторов, сочетающих элементы разных поэтик. Так, В.Шелленберг в своих алтайских стихах использует свойственные сибирскому космизму образы и ритмы наряду с элементами, показывающими столичную литературную подготовку. Это стихи наполовину сибирские, наполовину европейские; вернее, перед нами – произведения европейского по менталитету человека, восхищающегося сибирской природой, понимающего ее, но все-таки относящегося к ней скорее как изумленный турист, приехавший на экскурсию в первозданный «рай» отдохнуть от привычной цивилизации, чем как местный житель, знающий сибирскую природу и воспринимающий ее как нечто естественное и привычное. Впрочем, это не сказывается отрицательно на качестве текста.

Также на «перекрестке» сибирского и европейского мироощущения в разные времена стояли С.Князев, О.Родионова, И.Павельева, В.Лизунов. Все эти авторы талантливы, но их метафизика не в меньшей степени европейская, чем сибирская. Это закономерно, разные культурные регионы должны сообщаться, как сосуды, иначе «живая вода» в них иссякнет.

В целом, характеризуя пять региональных поэтик, можно заметить, что представители народной и городской школ наиболее многочисленны и тесно привязаны к региону, именно они составляют ядро омского СПР. В этих направлениях омичам работать естественно и привычно, что сказывается также на количестве тусклых перепевов одних и тех же мотивов разными авторами, в обилии подражателей среди непрофессионалов. В этом русле работать легко, а добиться выдающихся успехов сложно.

В СПР преобладают представители городской, метафизической и неофутуристической поэтик. Лучшие стихи последователей этих традиций отличаются яркостью, необычностью.

Это свойство также наряду с позитивной имеет и негативную сторону: такое творчество труднее воспринимается неподготовленной аудиторией. Кроме того, среди авторов этого направления нет стилистического и смыслового единства. Подобные качества могут быть полезны для самореализации авторов по отдельности, но вредны для организации, которая держится исключительно на человеческом, а не творческом единстве.

Неоклассическая поэтика наименее привязана к региону, она скорее является межрегиональной, способной прижиться и дать плоды на любой почве, но не являющейся монополией какого-то одного региона. Авторы неоклассической поэтики могут быть отнесены к омской и – шире – сибирской поэзии более по смысловым, чем по формальным признакам.

Таким образом, на мой взгляд, следует говорить не столько об омской, сколько о западно-сибирской поэтической школе, входящей в состав культурного континента России наряду с дальневосточной, восточно-сибирской, уральской, поволжской, поморской, кавказской, черноморской, московской, петербургской школами. В каждой из школ можно выделить основные смысловые линии, поэтические традиции, лидеров, их последователей; ни одна из этих школ не выпадает из общей совокупности русской культуры, являясь ее неотъемлемым элементом. Но с идеей о том, что каждый крупный город может иметь свою самостоятельную школу, думается, трудно согласиться: собственные литературные и живописные школы могли существовать, например, в греческих городах-государствах или раздробленных княжествах Средневековья и Возрождения, а сами условия государственной и культурной жизни нашего времени – эпохи глобализации и духовно-культурного экуменизма – постепенно нивелируют различия между регионами, и сохранить культурное «самостояние» могут только сверхкрупные и сверхмощные регионы. Хорошо это или плохо, покажет время; но несомненно, что это – факт, с которым следует считаться.

